# The Impact of Remittances on Household Consumption in Developing Countries: Evidence from Uzbekistan, Mexico, the Philippines, and Bangladesh

**Durbek Bakhriddinov**
Second-year student at the University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan
durbekbahriddinov2008@gmail.com

**Abstract**

Remittances have become one of the largest sources of external financing for developing economies; however, their impact on household welfare remains a subject of debate. This article compares the impact of remittances on household consumption in Uzbekistan, Mexico, the Philippines, and Bangladesh over the period 2000–2022, drawing on data from the World Bank and KNOMAD. The analysis is grounded in the "optimistic school" (Adams & Page, 2005; Yang, 2008) and the "pessimistic school" (Chami, Fullenkamp & Jahjah, 2003). The results indicate that in more affluent countries (the Philippines, Mexico), remittances are more frequently allocated to education and healthcare, whereas in Uzbekistan and Bangladesh, they primarily support basic consumption. A country's income level is identified as a key moderating factor, which has implications for public policy.

**Keywords**

remittances, household consumption, developing countries, poverty reduction, human capital, Uzbekistan.

**Влияние денежных переводов на потребление домохозяйств в развивающихся странах: данные Узбекистана, Мексики, Филиппин и Бангладеш**

**Бахриддинов Дурбек**,
студент II курса Университета мировой экономики и дипломатии, Узбекистан
durbekbahriddinov2008@gmail.com

**Аннотация.** Денежные переводы стали одним из крупнейших источников внешнего финансирования для развивающихся экономик, однако их влияние на благосостояние домохозяйств остаётся спорным. В статье сравнивается воздействие денежных переводов на потребление домохозяйств в Узбекистане, Мексике, на Филиппинах и в Бангладеш за 2000–2022 годы на основе данных Всемирного банка и KNOMAD. Анализ опирается на “оптимистическую школу” (Adams & Page, 2005; Yang, 2008) и “пессимистическую школу” (Chami, Fullenkamp & Jahjah, 2003). Результаты показывают, что в более состоятельных странах (Филиппины, Мексика) переводы чаще направляются на образование и здравоохранение, тогда как в Узбекистане и Бангладеш они в основном поддерживают базовое потребление. Уровень дохода страны определён как ключевой модерирующий фактор, что имеет значение для государственной политики.

**Ключевые слова:** денежные переводы, потребление домохозяйств, развивающиеся страны, сокращение бедности, человеческий капитал, Узбекистан.

**Введение**

Ежегодно миллионы трудовых мигрантов отправляют деньги домой, и в 2023 году денежные переводы в страны с низким и средним доходом достигли 669 миллиардов долларов, опередив прямые иностранные инвестиции и официальную помощь развитию (World Bank, 2023). Несмотря на масштаб, их эффект остаётся предметом спора: одни исследователи считают переводы инструментом сокращения бедности и развития человеческого капитала, другие указывают на риск морального риска и снижения трудовой активности получателей. Данная статья сравнивает четыре страны с разным уровнем дохода и разной зависимостью от переводов: Узбекистан, Мексику, Филиппины и Бангладеш за период 2000–2022 годов. В Узбекистане переводы достигли 17,71% ВВП в 2023 году, более чем втрое превысив среднемировой показатель в 5,13%

(TheGlobalEconomy.com, 2024). Центральная гипотеза статьи: чем выше уровень дохода страны, тем большая доля переводов направляется на образование и здравоохранение, а не на текущее потребление.

**Обзор литературы**

“Оптимистическая школа» опирается на работу Adams and Page (2005), которые на выборке из 71 страны показали, что рост переводов на душу населения на 10% снижает долю бедного населения на 3,5%, а также снижает глубину и остроту бедности. Yang (2008), используя азиатский финансовый кризис 1997 года как естественный эксперимент на данных Филиппин, обнаружил, что рост доходов мигрантов увеличивает расходы на образование детей и снижает детский труд, устанавливая причинную связь между переводами и инвестициями в человеческий капитал. “Пессимистическая школа” отталкивается от работы Chami, Fullenkamp and Jahjah (2003), которые рассматривают переводы как альтруистические, а не инвестиционные потоки: происходя в условиях асимметричной информации, они, по мнению авторов, порождают моральный риск, и на панели из 83 стран за 1970–1998 годы это выразилось в отрицательной корреляции между переводами и ростом ВВП. Giuliano and Ruiz-Arranz (2009) отмечают, что в странах со слабой финансовой системой переводы замещают кредит, позволяя домохозяйствам инвестировать в малый бизнес и жильё, а Acosta et al. (2008) находят умеренный эффект сокращения бедности в Латинской Америке, отмечая, что величина эффекта зависит от уровня дохода страны. В целом литература указывает, что в бедных странах переводы чаще уходят на еду, одежду и жильё, тогда как в странах со средним доходом, где базовые потребности уже удовлетворены, они чаще направляются на образование, здоровье и производительные активы. Применительно к Узбекистану литература ограничена: в 2023 году страна получила около 16,1 миллиарда долларов

переводов (18% ВВП), из которых почти 80% пришлось на Россию, что создаёт значительную макроэкономическую уязвимость.

**Методология исследования**

Исследование использует описательную статистику и корреляционный анализ на основе панельных данных Всемирного банка и KNOMAD за 2000–2022 годы. Независимая переменная: денежные переводы в процентах от ВВП. Зависимые переменные: потребление домохозяйств, государственные расходы на образование и уровень бедности. Четыре страны были выбраны для максимизации различий по уровню дохода и зависимости от переводов (Таблица 1). Метод не позволяет установить причинность, поэтому результаты следует рассматривать как описательные закономерности, а не строгие причинные оценки.

| **Страна** | **Уровень дохода** | **Переводы (% ВВП, 2022)** | **Основной источник** |
|---|---|---|---|
| Узбекистан | Ниже среднего | ~21% | Россия |
| Бангладеш | Ниже среднего | ~5% | Страны Персидского залива, Малайзия |
| Филиппины | Ниже среднего | ~9% | США, Ближний Восток, Япония |
| Мексика | Выше среднего | ~4% | США |

*Таблица 1. Профили стран по уровню дохода и зависимости от денежных переводов (Всемирный банк, 2023)*

**Результаты.** Узбекистан, наиболее зависимая от переводов страна в выборке (около 21% ВВП в 2022 году, из которых 80% приходится на Россию), демонстрирует модель, близкую к «пессимистической школе»: переводы направляются в основном на базовое потребление и жильё, а уровень бедности снизился с 26,5% в 2010 году до 12,5% в 2022 году без заметного роста расходов на образование. На

Филиппинах, где мигранты чаще заняты в квалифицированных профессиях, рост переводов был связан с увеличением расходов на образование (с 2,7% ВВП в 2010 году до 3,7% в 2022 году) и снижением бедности до 13,2%. В Мексике, стране с доходом выше среднего, переводы (около 4,3% ВВП в 2022 году) связаны с ростом расходов на образование и товары длительного пользования, хотя в отдельных регионах отмечается снижение трудового предложения, схожее с эффектом «голландской болезни». В Бангладеш переводы (около 5% ВВП) сопровождались снижением бедности (с 43,5% в 2010 году до 13,5% в 2022 году), но слабо связаны с расходами на образование. Таблица 2 обобщает эти закономерности по всем четырём странам.

| **Страна** | **Модель «переводы и потребление»** | **Доминирующая школа** |
|---|---|---|
| Филиппины | Инвестиции в образование и здравоохранение | Оптимистическая |
| Мексика | Смешанная: инвестиции и потребление | Оптимистическая (частично) |
| Бангладеш | Базовое потребление, слабый эффект на образование | Пессимистическая (частично) |
| Узбекистан | Базовое потребление, высокая зависимость | Пессимистическая |

*Таблица 2. Сводка межстрановых моделей денежных переводов*

**Обсуждение.** Результаты говорят о том, что противостояние «оптимистической» и «пессимистической» школ отчасти является ложной дихотомией: обе описывают реальные, но контекстно-зависимые эффекты. Более продуктивным представляется вопрос не о том, хороши или плохи переводы для развития, а о том, при каких условиях они ведут к продуктивным инвестициям, а не к потребительской зависимости. Уровень дохода домохозяйства выступает ключевым модератором: выше порога выживания переводы чаще направляются

на образование, здоровье и малый бизнес, а на уровне выживания, как правило, немедленно потребляются независимо от намерений мигранта. Квалификация мигрантов также имеет значение: страны с более квалифицированной эмиграцией, такие как Филиппины, получают более высокие переводы в расчёте на мигранта и чаще инвестируют их продуктивно, тогда как страны, экспортирующие в основном низкоквалифицированный труд на единственный рынок, такие как Узбекистан, сталкиваются как с более низкой отдачей от переводов, так и с повышенной макроэкономической уязвимостью. Основное ограничение анализа состоит в том, что использование агрегированных данных и корреляционного метода не позволяет установить причинность, а обратная зависимость (более бедные страны могут порождать больше эмиграции) остаётся значимым риском для интерпретации.

**Заключение**

Эффект денежных переводов на потребление домохозяйств не универсален: он зависит от уровня дохода страны и квалификации мигрантов. В Филиппинах и Мексике переводы чаще поддерживают инвестиции в человеческий капитал, тогда как в Узбекистане и Бангладеш они в основном сохраняют базовое потребление. Для Узбекистана приоритетом должна быть диверсификация направлений миграции и снижение зависимости от России, а для всех четырёх стран, целевые программы, связывающие переводы с образованием и развитием малого бизнеса. Дальнейшие исследования должны опираться на данные домохозяйств и методы причинного вывода.

**Список литературы**

1. Adams, R. H., & Page, J. (2005). Do international migration and remittances reduce poverty in developing countries? World Development, 33(10), 1645–1669. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2005.05.004

2. Yang, D. (2008). International migration, remittances and household investment: Evidence from Philippine migrants' exchange rate shocks. The Economic Journal, 118(528), 591–630. https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02134.x

3. Chami, R., Fullenkamp, C., & Jahjah, S. (2003). Are immigrant remittance flows a source of capital for development? IMF Working Paper No. 03/189. https://doi.org/10.5089/9781451859638.001

4. World Bank. (2023). Migration and Development Brief 39. https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/12/18/remittance-flows-grow-2023-slower-pace-migration-development-brief

5. World Bank Open Data. (2023). Personal remittances, received (% of GDP). https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS

6. TheGlobalEconomy.com. (2024). Uzbekistan: Remittances as percent of GDP. https://www.theglobaleconomy.com/Uzbekistan/remittances_percent_GDP/

7. Acosta, P. A., Lartey, E. K. K., & Mandelman, F. S. (2008). Remittances and the Dutch Disease. FRB Atlanta Working Paper 2007-8. https://www.econstor.eu/bitstream/10419/70606/1/572362153.pdf

8. Giuliano, P., & Ruiz-Arranz, M. (2009). Remittances, financial development, and growth. Journal of Development Economics, 90(1), 144–152. https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2005/wp05234.pdf

9. KNOMAD. (2023). Remittances data. World Bank Group. https://www.worldbank.org/en/topic/migration/brief/remittances-knomad

10. Barajas, A., Chami, R., Fullenkamp, C., Gapen, M., & Montiel, P. (2009). Do workers' remittances promote economic growth? IMF Working Paper No. 09/153. https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2009/wp09153.pdf